

ВСТРЕЧА

60-летний Александр Рахманинов, внук великого композитора и пианиста, пронесся по Москве, как смерч, успев благословить первый рахманиновский международный конкурс пианистов, наградить лауреатов, договориться о выступлениях 600 российских музыкантов в самых престижных залах Европы и Америки и о съемках нового фильма о своем дедушке.

Николай ГАЛКИН

Меня называют бульдозером

Моск. новости - 1993 - 28 февр (ср) - с 134

Невероятно энергичный, альпинист и теннисист, Александр Рахманинов удивительно напоминает внешне Сергея Васильевича. За время его отсутствия факс-аппарат в доме Рахманинова в Люцерне успевает «прокрутить» сто метров бумаги — столь оживленно и деятельно ведется работа, связанная с именем композитора. Александр Рахманинов дал интервью корреспонденту «МН» Елене Веселой:

— Что вам понравилось и что не понравилось на недавнем конкурсе?

— Как только дело закончено, я начинаю думать, что в нем можно улучшить. Критика, непозитивное мышление только разрушают отношения между людьми.

— Так что, по-вашему, можно улучшить в конкурсе, когда он снова соберется через три года?

— Мне кажется, если конкурс называется международным, нужно, чтобы в следующий раз на третьем туре были представители не только России. Иначе нас никто не будет принимать всерьез.

— Значит, нужно ввести своего рода процентную норму?

— Нет, конечно. Просто, если после первого тура отбирается всего пять человек, нет больших шансов, что в финал выйдут музыканты разных стран. Какая бы ни была хорошая школа в России, кто-то может родиться с талантом и в другом месте, правда? Я понимаю, что конкурс проходил в трудных условиях, зимой, люди боятся приезжать сюда. Но я говорю о принципе.

— Вы довольны уровнем победителей?

— Это не мое дело — оценивать уровень. Я не профессор, я не занимаюсь музыкой, и мое мнение не играет роли. Решает жюри. Оно считает плохие ноты, в то время как зрители благодарны за хорошие. Я приехал сюда с мечтой: вдруг появится звезда, на голову выше других, и я смогу сразу организовать ее выступление в Карнеги-холле...

— Такой звезды вы не нашли?

— Нет. Никто из них сегодня не готов. Конечно, жюри оценивает потенциал: кто как будет играть через пять лет. Но я говорю о 1993 году. Думаю, что молодая девушка, выигравшая конкурс, через несколько лет будет играть гораздо лучше.

— Сейчас часто можно слышать, что мы живем не в самые благоприятные времена для музыки и вообще для искусства. Вы согласны?

— Я не могу помочь всем. Но я из чистой сентиментальности взялся провести международный фестиваль и помогаю 600 россиянам, когда везу их в Нью-Йорк или Париж. Я открываю им двери, даю им шанс, который может переменить их жизнь. Надо любить трудности, как я, чтобы делать такие вещи. Наверное, поэтому меня иногда называют бульдозером.

— Сергей Рахманинов для нас легенда. Никто из последних двух поколений не слышал «живьем», как он играл. Как вы считаете, его традиции соблюдаются в этой стране или все ушло безвозвратно?

— Такой человек рождается раз в 50 лет, неважно, где это произошло и где он живет. У меня есть теория, которую, вероятно, масса

русских профессоров отвергнет. Тем более что эта теория ничего не изменит, она просто объясняет, почему Рахманинову было легче играть. Это физический аспект. Есть разница между «мерседесом-500» и «фиатом-500»: первая — огромная машина, вторая — маленькая коробочка. Можно ехать и в той, и в другой на высокой скорости, но ощущения у вас будут разными. В «мерседесе» вы даже не почувствуете скорости, а «фиат» будет невероятно трясти. Если у вас рост 192 см и вы весите 82 кг, ваш удар по клавише будет звучать легко и мягко. Сочетание физических данных и таланта — случай редчайший. Плюс колоссальная работа, конечно.

— Некоторое время назад шла волна перезахоронения великих соотечественников. У вас не было мысли перевезти в Россию прах деда?

— У меня не было, но меня все время атакуют по этому поводу. Мне звонил даже посол России из Вашингтона... То, что Рахманинов похоронен не в России, по-моему, подчеркивает международный характер этого музыканта. И вообще, когда человек скончался, его нужно оставить в покое.

— Каким Рахманинов остался в вашей памяти? Похож ли он на того, о котором мы читаем в серии «Жизнь замечательных людей»?

— Все книги, написанные о нем, абсолютно неточны. Именно поэтому мы создали международную ассоциацию имени Рахманинова, чтобы бороться с искажениями. Все его почему-то рисуют грустным, мрачным человеком. Это неправда! Он, как в стивенсоновской истории с д-ром Джекилом и м-ром Хайдом, был как бы одним ночью и другим днем. Когда он работал, к нему нельзя было подойти. Он писал музыку в голове и носил ее, как ребенка. И всем тогда казался суровым. Но в пять часов он заканчивал работу, выходил из студии и становился очень веселым — играл в прятки, бегал с детьми. Каждую субботу садился с большим азартом за карты. Сейчас уже, кажется, есть 17 книг на разных языках о Рахманинове, и все берут только одну сторону его характера. Видимо, не встречали его в «свободном» состоянии.

— В музыкальных семьях принято, чтобы дети шли по стопам родителей. Вас не заставляли упражняться на рояле?

— Никто не заставлял. Наоборот, в день моего 16-летия моя мать сказала, что она должна поговорить со мной серьезно и что мне лучше не играть на рояле. Она была права. Я продолжаю играть для себя, но для профессиональной карьеры я не был достаточно одарен.

— И чем вы занялись?

— Я юрист. Ничего общего с музыкой! Сейчас я взял годовой отпуск, чтобы организовать четыре фестиваля и два международных конкурса (второй будет в Англии в сентябре). В сентябре же в Люцерне начинается международный фестиваль, на который публика со всей Европы соберется уже в 34-й раз. На открытии будет президент республики и очень любезно согласился приехать наш министр культуры.

Так что дел много. Я все всегда стараюсь сделать как можно лучше. Это не значит, что получится хорошо, но я стараюсь.